10.04.2022 21:18:00

Адвокатскую тайну трактуют не по закону

Встречи защитников с доверителями в судах начали видеофиксировать

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: адвокатская тайна, суды, видеосъемка

On-Line версия

Адвокаты стали жаловаться на видеосъемку в тех помещениях в зданиях судов, где они проводят встречи с доверителями для изучения дела, выработки стратегии защиты. Так что если в любой момент можно просмотреть и прослушать конфиденциальные разговоры, то это означает не что иное, как доступ к адвокатской тайне, причем не соответствующий закону. Официально контроль якобы обусловлен заботой о сохранности материалов судебных дел – и ряд экспертов посчитал данное решение оправданным.

В законе об адвокатской деятельности и адвокатуре есть отдельная статья, разъясняющая, что такое адвокатская тайна. Там, к примеру, есть такой тезис – это «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю». То есть дело вовсе не в защитниках, гарантии даются в первую очередь их клиентам.

С иной трактовкой понятия этой тайны столкнулся, например, дагестанский адвокат Шамиль Исаев. Он сообщил о видеокамере с функцией звукозаписи в адвокатской комнате Верховного суда республики. По его словам, на двери помещения даже имеется соответствующее объявление. В самом суде обосновали видеоконтроль тем, что это, дескать, необходимо для обеспечения «сохранности материалов судебных дел». Якобы защитник и его доверитель могут попытаться испортить или уничтожить доказательства. Однако многие юристы оценили такой подход как грубое нарушение ст. 8 вышеназванного закона, поскольку нельзя исключать, что аудио- и видеофиксация дают сотрудникам суда доступ к сведениям, составляющими адвокатскую тайну. Теперь адвокаты отказываются проводить консультации с доверителями при прослушке.

Как заверил «НГ» управляющий партнер юркомпании AVG Legal Алексей Гавришев, такие случаи не единичны, «нередко средства аудио- и видеофиксации установлены там, где предполагается осуществление конфиденциального общения адвоката с доверителем». И это касается не только судов, но и других помещений, скажем, кабинетов для свиданий в СИЗО. Они оборудованы камерами видеонаблюдения – якобы без возможности аудиозаписи, но это, по словам эксперта, проверить невозможно. В общем, заявил Гавришев, это очередной пример, когда адвокаты опять оказываются в заведомо дискриминированном положении по сравнению с другими участниками процесса. Он подчеркнул, что наличие фиксирующей аппаратуры существенно усложняет адвокатскую деятельность, поскольку приходится прибегать к разным способам сохранения конфиденциальности общения. По мнению Гавришева, очевидно, что дискриминация защиты обусловлена отсутствием независимости судов. Добиться ее возможно исключительно через масштабную судебную реформу. Следовательно, адвокатскому сообществу придется подстраиваться под реалии, поскольку «борьба с ними не приносит каких-либо результатов, кроме подтверждения формальной законности такого положения дел».

Адвокат Вячеслав Голенев согласен, что речь идет об «очевидном нарушении адвокатской тайны». Защитники, пояснил он, это не просто консультанты по делу, а носители такой тайны, которая ко всему прочему является собственностью доверителя. «Тем самым госорган, установивший камеру, по сути, нарушает гарантии и права самого подзащитного», – заметил эксперт. При этом Голенев напомнил, что это уже не первое наступление на права отечественной адвокатуры – и в данном случае, уверен он, как и ранее, позиция судебной власти не выдерживает никакой критики. «Нужно консолидироваться и настаивать на пересмотре такого подхода административных и судейских аппаратчиков, чтобы добиться состязательного и равного правосудия для всех», – считает он.

«Осуществление аудио- и видеозаписи общения адвоката с его доверителем является нарушением адвокатской тайны», – не сомневается и вице-президент Ассоциации юристов по регистрации, ликвидации, банкротству и судебному представительству Владимир Кузнецов. Судебную позицию по данному вопросу он назвал формальной. По его мнению, «все это, безусловно, представляет собой нарушение прав адвокатов при отсутствии какой-либо реакции со стороны ВС РФ».

«НГ», впрочем, получила от экспертов и противоположное мнение. Например, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Плеханова Екатерина Арестова убеждена, что претензии адвокатов «обоснованы лишь отчасти». С одной стороны, аудиозапись совместного ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела однозначно является недопустимой, поскольку действительно нарушает гарантированную законом адвокатскую тайну. С другой же стороны, обвиняемый и его защитник получают на руки оригиналы предметов и документов, на которых основывается обвинение. И следственной практике известно немало случаев, когда при ознакомлении заинтересованные участники процесса приводили в негодность ключевые доказательства, что впоследствии создавало трудности обвинению, в том числе и непреодолимые. Нельзя исключать и возможность передачи адвокатом своему подзащитному, находящемуся под стражей, запрещенных предметов. Так что видеоконтроль «без голоса» все же является необходимым.

По мнению вице-президента Палаты адвокатов Самарской области Дмитрия Тараборина, установка камер в адвокатских комнатах в зданиях судов «вполне логичное и оправданное решение». Он пояснил «НГ», что эти помещения изначально не предназначены для встреч адвокатов со своими доверителями – для этого существуют адвокатские офисы. Нередко это общая комната для ознакомления с материалами, обеспечить сохранность которых прямая обязанность суда. «К моему сожалению, адвокаты периодически демонстрируют не только недобросовестное, но даже откровенно неадекватное поведение. Известны случаи уничтожения адвокатами отдельных доказательств и даже краж личных вещей у коллег непосредственно в зале суда», – пояснил Тараборин. Между тем видеофиксация выступает и «инструментом защиты адвоката от необоснованных обвинений в уничтожении материалов дела». Что же касается конфиденциальности, то «зная о наличии в комнате записывающих устройств, адвокату не составит труда принять исчерпывающие меры для защиты адвокатской тайны». Тем более что использовать полученную таким образом информацию (за исключением собственно случаев посягательства на материалы дела) возможно только негласно, поэтому «достаточно проявить элементарную осмотрительность, чтобы избежать нежелательных последствий». Сам он считает несостоятельными доводы об отсутствии аналогичных устройств в комнатах, занимаемых прокурорскими работниками, так как «имеющиеся в деле доказательства собраны стороной обвинения, которая совершенно не заинтересована в их уничтожении». Вопрос о необходимости именно аудиозаписи Тараборин считает дискуссионным, «обоснованность такой меры не очевидна».

Как сказал «НГ» вице-президент АП Краснодарского края Ростислав Хмыров, сам он не встречался с такими случаями. К примеру, в Краснодарском краевом суде «в кабинете для адвокатов нет видеокамеры», более того, «он ничуть не хуже того, который занимают государственные обвинители». Что касается нарушения профессиональных прав адвокатов, то, по мнению Хмырова, оно однозначно присутствует, но «я все же переживал бы в этой ситуации не столько за профессиональные права адвокатов, сколько за законные интересы их доверителей». Он напомнил, что обязанность хранить адвокатскую тайну и связанный с этим в законе особый статус – это не привилегия адвокатов, а гарантия защиты законных интересов доверителей, которые гарантированы им Конституцией. Нормы Основного закона предписывают невозможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности. Они обязывают государство обеспечивать в законодательстве и правоприменении такие условия для реализации гражданами права на юридическую помощь и для эффективного осуществления адвокатами деятельности по ее оказанию, при которых гражданин имеет возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокат – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации. «На государстве лежит обязанность обеспечить возможность конфиденциального характера любых взаимоотношений и консультаций между адвокатом, защитником и их доверителями в рамках их профессиональной деятельности». Также Хмыров указал на положения ст. 56 УПК, где говорится, что адвокат, защитник не подлежат допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юрпомощью или в связи с ее оказанием. Так что установленная в помещении, используемом адвокатами, видеокамера с возможностью аудиозаписи свидетельствует не только о нарушении конституционных гарантий обвиняемых, но и о нарушении норм УПК. Таким образом, по его словам, «суд фактически создал ситуацию, при которой возникает опасность не только разглашения адвокатской тайны, но и информации о существующих в деле, с которым знакомится адвокат, нарушениях процессуального законодательства, что может быть использовано стороной обвинения в тактических целях, а это ставит защитника в неравное положение». Между тем, подчеркнул собеседник «НГ», вмешательство органов власти во взаимоотношения подозреваемого, обвиняемого с избранным

им адвокатом может иметь место в исключительных случаях. Например, при наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юрпомощь.